

РЕКА ГАЛИС

Научно-фантастическая история

Наверное, это было бы здорово — попробовать написать фантастический роман о предсказании будущего, — задумался несколько лет назад автор этой книги, которая сейчас лежит перед вами. Показалось автору, что ему попало в руки изрядное количество фактов, связанных с отчаянными попытками людей угадать будущее.

Накопился и своего рода фонд мыслей по поводу как конкретных предсказаний, так и самой проблемы заглядывания в грядущее — не теми методами, которые ужеочно вошли в арсенал науки, но другими, такими, что им в фантастическом романе самое место. А главное — память автора вобрала, как ему опять-таки казалось, массу живых и интересных черточек, присущих конкретным людям, и новые герои, слепленные из этих черт, требовали себе места, а оно могло найтись только на страницах романа.

Я не был, однако, уверен в том, что умею писать романы. И поэтому долго платонически мечтал о том, как я начал бы его. А начал бы я....

ГЛАВА I

...С описания первых недель жизни в только что построенном кооперативном доме. Представьте-ка себе воскресное утро. Мой герой—пусть им будет молодой человек (конечно, молодой),—правда, сегодня для меня это слово подразумевает уже не двадцать или двадцать пять лет, а

этак примерно тридцать) просыпается, потому что кто-то звонит в дверь. Посетитель отнюдь не нарушил приличий, явившись слишком рано — уже первый час, так убеждается Игорь, вскочив с кровати.

А спит он так долго, поскольку вчера лег поздно. А лег поздно потому, что работает сейчас над новой теорией катализ. А это не такая вещь, которую можно

ПОДОЛЬНЫЙ Р. Г. — известный советский писатель-фантаст и научный популяризатор, автор многих книг, переведенных на большинство европейских языков. Член редакколлегии журнала «Знание — сила».

создать, соблюдая правила охраны труда. Вы, конечно, знаете, что такое катализ, но я на всякий случай объясню. Есть вещества, в присутствии которых химические реакции резко ускоряются, хотя сами данные вещества (катализаторы) в реакциях вроде бы и не участвуют.

Катализатор, говоря популярно, что-то вроде возлюбленной великого поэта, не ответившей на его любовь—она осталась где-то в стороне, а он пишет замечательные стихи. Есть много объяснений, почему так происходит (но с поэтом, а с реакциями). То ли катализаторы представляют своим подопечным жилплощадь для бурной встречи, то ли еще что. Игорю Пластову кажется, что на самом деле катализаторы участвуют в реакциях, только выходят из них такими же, как вошли. Это не только ему кажется, есть такая точка зрения в учебниках, даже, по-моему, школьных. Но от идеи об общих принципах до конкретного решения задачи, до открытия механизма катализа,—расстояние дай боже...

Он кричит — просит подождать минутку, натягивает на голеноставные ноги брюки, напяливает пижамную куртку, бежит к двери.

Сейчас откроет ее — и войдет Красивая Женщина. Незнакомая. Красивая. Но не просто красивая. Прекрасная. Игорь понимает сразу, что второе определение вернее. Он ведь знает за собой грех влюблчивости, и давно выработал своеобразное противоядие. При виде милого женского лица он пытается представить себе, каким оно будет лет через тридцать-сорок. Как обвиснет кожа под подбородком. Как сам подбородок заострится или наоборот, размякнет. Как высохнет или оплынет лицо, вытянется нос, который, как известно, имеет уникальное свойство увеличивать свои размеры до конца жизни. Ну и так далее.

К сожалению, эта мысленная операция тоже не всегда помогает, что Игорю хорошо известно.

Но сейчас ее оказывается невозможно провести. Когда-нибудь на этом лице, конечно, появятся морщины — но сейчас совершенно не понятно, где их следует провести. Пушистые легкие волосы, конечно поредеют, но даже подумать об этом кощунственно.

Женщина просит прощения за неожиданный визит. Но, видите, ли, ее сын во дворе запускал голубя, и мальчики видели, как тот попал на балкон Пластова.

Женщина хороша собой, но предлог, который она избрала для визита, слишком нелеп, чтобы Игорь мог скрыть свое удивление.

— Это, конечно же, ошибка. Сами подумайте — голубь, залетевший на балкон двенадцатого этажа!

Игорь готов, тем не менее, пойти на балкон вместе с гостьей, проверить. Но теперь уже женщина смущается и откаивается. Она виновата, она не подумала... И торопится. Сын ждет.

— Пусть сын и сам зайдет сюда. А я вас обоих чаю угощу. Хотите попробовать мою заварку? По-английски делаю. Честное слово, незабываемо.

Чай хороший, женщина хороша собой, и химик изо всех сил старался показаться очень хорошим.

— Я правильно поняла, что вы занимаетесь катализаторами?

Сейчас автор был бы вынужден устами своего друга Игоря рассказывать о проблемах катализа — для читателя, конечно, а не для Марины Андреевны, потому что какое ей-то дело до катализа? Но автор уже успел кое-что о них сказать. И поэтому Игорю остается только взять кусочек сахара, осторожно положить его... в пепельницу, попросить у собеседницы разрешения закурить — и через секундусыпать на кубик рафинада коротенький столбик пепла. А потом сахар лизнуло пламя зажигалки. И он загорелся.

— Вы очень изящно все это проделали, но что здесь странного?

— Так ведь обычно-то сахар не горит. Табачный пепел — катализатор. Есть в никотине что-то такое...

— И правда есть. Недаром я никак курить не брошу, — ответила Марина Андреевна. — А получается у вас с теорией?

— На это когда-нибудь ответят другие. Сказано у Аристотеля, что о руле лучше судит кормчий, чем плотник, о пиршестве — гость, чем повар, и о доме не строитель, а тот, кто в этом доме живет.

— Вы, видно, любите Аристотеля, раз так легко его цитируете?

— Люблю... И терпеть не могу. Ведь это он придумал науку логику. Природа

нелогична, как женщина, а мы, ученые, обязаны быть логичными. Хуже — не можем не быть логичными. В кровь и в плоть впиталось. А ведь почти все великие греки стали великими до появления логики, почти все, и сам Аристотель тоже. Значит, открытия можно делать и без знания силлогизмов. Гоген как-то назвал античное искусство греческой ошибкой. Ведь, дескать, как оно ни прекрасно, а на тысячи лет стало образцом, закрыв другие пути художникам. Может быть, так же поступил Аристотель с учеными...

И тут снова звонок в дверь. Готовый к новому чуду, Игорь распахивает ее.

Мальчик лет десяти. Поразительно красивый. Как Марина Андреевна. Если это возможно. И костюмчик из нем... Приглядываясь — нашлось потом для приглядки время — все в нем обычное. Штаншки и курточка, какие носят пятьдесят процентов сверстников мальчика, да еще кое-что испачканное — во дворе играл. Но даже пятна выглядели так, как будто их наставили нарочно, гармонии ради.

— Мама, ну что же ты?

— Извини, Гена, но вот дядя говорит, что не мог твой голубь...

— Серебряный же. Можно? — он обращается к Игорю, но смотрит на мать.

— Конечно.

Мальчик пробежал на балкон.

Игорь понизил голос:

— До чего красив.

— Он у меня первый. А все, что я делаю в первый раз, у меня почему-то здорово получается.

Хлопнула балконная дверь, Геннадий вошел, торжествующе вскинув над головой бумажную птицу.

Голубь был третьим чудом. Узкий, с неожиданно, но красиво в двух местах изогнутыми крыльями, кромка которых побывала под ножницами, отчего стала изысканно зубчатой.

— Никогда не видал такого голубя.

— Я позавчера его придумал. Подумал, двенадцатый этаж! Мы его выше небоскреба запускали. Того, на площади Восстания.

— Фантазер он у вас.

— Да нет, как раз не фантазер. Просто... умеет он такие штуки делать. Слу-

шаются его вещи. Вот приедете к нам в гости, посмотрите, какие он автомобили на резиновом моторе делал — по три часа ездили. И еще. Мана у него сильная, как говорят полинезийцы. Знаете, они верят — или верили...

— Да, я читал. Внутренняя сила, присущая каждому человеку. У одного — большая, у другого — поменьше.

— Вот-вот. Мана у него сильная. Других объяснений придумать не могу. А вообще он молодец. Не балованный, хоть и баловали мы его — как же — поздний ребенок, во всяком случае для меня.

— То есть как — поздний?

— Да ведь мне сорок пять...

— Вам не больше... — Игорь переводил глаза с сына на мать. — Ну, двадцати семи, учившие советские законы. Но вам и этого не дашь.

— Вот приедете к нам, покажу вам паспорт, если будете настаивать, тогда сами убедитесь...

— Послушайте! А верь вы с сыном уже у меня. Из вашей семьи не хватает только ее глаза. Давайте позовем вашего мужа.

— С удовольствием бы, но придется в другой раз. Он сейчас делает доклад на исторической конференции. Загадки прошлого разгадывает.

В ее голосе как-то странно сочетались синхронность к мужу и гордость им.

— Ну, а теперь — нам пора. Обед приготовить надо, убраться. Мы живем в 107-й, на третьем этаже. Будем рады вас увидеть вечером. Евгений к тому времени придет. Пойдем, сынок. Скажи дяде спасибо.

Она встала. Протянула руку, которую платье закрывало только до локтя. Рука была не костлявой, не пухлой. Но — окружной. И каждый палец был не мягким и не костлявым, а округлым и плотным. На руке — маленькие золотистые волоски, еле заметные, и все-таки заметные. А уже когда Игорь пожал ее ладонь, он увидел, что чуть ниже локтя рука была помечена рядом из шести черных родимых пятнышек. Все они лежали на одной прямой.

— До свиданья, дядя Игорь. Спасибо, — вежливо сказал мальчик. Да, ведь был еще мальчик. А где-то, — кажется, на

конференции, так она говорила? — был еще и мужчина. Муж.

— До свиданья, — сказал Игорь.

Да, вот как я хотел бы начать этот роман.

А потом подробно описал бы, что думал Игорь Пластов, когда гостья ушла, — а думал он о многом.

Например, о том, что ей не могло быть сорока пяти лет. И вспоминал ее лицо, снова и снова убеждаясь, что слова о возрасте — неправда. Ни морщинки на лице, даже у уголков глаз не было сетки из тощеньких сбрыков нитей. А она-то появляется не позже тридцати. А если Марина его тут обманула, то, может быть, и мужа нет у нее, во всяком случае, любимого мужа. И, может быть, он, Игорь, что-то сможет сделать.

Вот о чем, и еще о многом думал Игорь Пластов, вспоминая низкий тревожащий голос, и круглую руку, и то, как женщина протянула ему эту руку, прощающуюся.

А теперь скажу, что два года он ходил в гости к Марине и ее мужу, и два года звонил ей и пытался назначить свидание, и два года чувствовал себя подлецом. Нет, Марина на свидания не ходила, но ведь их добивалася, встреч с женою человека, другом которого стал за эти два года, худенького доброго человека, почтенно-наделенного природой такими пухлыми щеками, губами и пальцами, которые пришли бы в пору разве толстяку. Был у него за эти годы другой роман, но однажды Марина опустила глаза при встрече, и он сначала обрадовался, потом испугался, потом опять обрадовался. И снова позвонил, чувствуя себя уже самым худшим человеком на свете. А Марина сказала по телефону, что обменяли они с Евгением свою теперешнюю квартиру на трехкомнатную в другом районе.

И я не уверен, получится ли у меня роман, потому что ясно вижу: не полюбит Марина Игоря, а Игорь между тем занялся делом, к которому автор его предназначил с самого начала — он занялся проблемой предсказания будущего.

И сейчас непременно надо рассказать хоть что-то о предсказании будущего, и доверять этим своим героям я не хочу — даже жюльверновским профессорам лекции не слишком удавались.

Значит, расскажу сам. А если этого нельзя в романе, — что же, договоримся: вы читаете не роман, а книгу о романе, который получился бы, если бы...

Если бы я мог заранее предсказать, что он будет написан. Что же, тот, кто принимает план и выполняет его, уже занимается не только предсказанием, но и осуществлением. И когда нормальный ребенок идет в первый класс, родители предсказывают себе, что он еще и восьмой по меньшей мере кончит. Можно предсказать ему и институт, уже с риском ошибиться. Но если рискнуть еще разок, посыпнее, и назвать институт точно, вот это уже будет предсказание того sorta, какой во все времена котировался выше всего, хотя в конце концов каждый раз подвергался ученцу.

Черт возьми! Говорят, в ХХ веке науке повезло, физики «что-то» в почете. Да знаете, физикам и не снился тот почет, которым окружали людей, выполнявших, как теперь физики, роль лидеров в древней и средневековой науке. Астрологи сидели рядом с королями, вертели королевами, внушали ужас самому папе римскому.

Что там алхимики! Сколько этих искателей золота кончило свой век на виселице, в насмешку над позолоченными разочарованными, но не потерявшиими чувство юмора монархами. А вот рядом с предсказателями будущего эти монархи чувствовали юмора терпли.

По звездам, по линиям руки, по падению костей, по внутренностям животных, по полету птиц искали прорицатели тайны грядущего, а хозяева настоящего, затавив дыхание, ждали, что из этого выйдет.

Но вы же не думаете, что герой мой пойдет по неверному, хотя и благодарному (потому что благодарили) пути авгуротов, астрологов, хиромантов? И не думайте.

Предсказанием будущего сегодня профессионально занимаются метеорологи.

Для того, чтобы сообщить, какая погода будет завтра, они стремятся как можно подробнее выяснить, какая она сегодня. Но как бы много ни узнали, точный, абсолютно достоверный ответ дать не в состоянии. У них недостаточно информации. Как всегда недостаточно ее у физика, создающего новую теорию, инженера, придумывающего новую конструкцию, у юноши, который просит девушку стать его женой, и у девушки, принимающей предложение.

Найти правильный ответ при неполной информации, вот задача, которой обрамляется почти любая конкретная проблема.

А предсказание будущего тут один из многих частных случаев, а не исключение.

Кибернетики ищут сейчас новые подходы к общей задаче. А мои герои — к одному из ее вариантов.

ГЛАВА II

Марина шла впереди. Евгений за нею. Генка трусил сзади, мучительно морща лицо при виде неубранного мусора.

Подъезд встретил их острым запахом лука — из приоткрытой двери — и ровными звуками ударов циклы из-за другой, закрытой. На втором этаже господствовало чуть прерывистое, словно речь с прихватиями, гудение дрели. На третьем с обеих сторон лестничной площадки слышались тяжелые удары молотков. Четвертый этаж бодро вносил в симфонию нового дома собственную мелодию — дрель здесь не гудела, а жужжала, иногда ссыкаясь на таращенье, словно для того только, чтобы оправдать свою принадлежность к женскому роду. Пятый этаж молчал. Пятый этаж ждал их. Они должны были разбудить его, как спящую красавицу, если этого еще не успели сделать их соседи.

— Есть же пентюхи. Еще дольше нас готовятся! — сурово произнесла Марина, резко открыла сумку, вбросила в нее руку, извлекая кошелек, щелкнула замочком, выхватила из кошелька длинный ключ — дверь проглотила его, застонала от неудовольствия, отступила, разочаро-

ванно заскрипев, и выплюнула непереваренным в жесткую ладонь хозяйки.

— Евгений, Геннадий, скоро вы там?

И дверь захлопнулась, отрезав общую лестничную площадку от личной, собственной квартиры семьи Николаевых.

— Геннадий, стой здесь. Евгений, мы идем прежде всего на кухню... Почему здесь нет солнца? Весна, полдень, а солнце и не заглядывает. Ну, планировщики!

— Хорошая квартира... — робко подал голос муж.

— Сама вижу. А солнце? Где оно?

— Я ведь не астроном...

— Он еще шутит.

Ближайшие два часа Марина даже не смотрела в его сторону. И Евгений наконец-то успел, время от времени отвлекаясь на выполнение пожелания жены и сына, поработать над проблемой, занимавшей его в последнее время. Преимущество ученого в том, что ему для работы иногда не нужно никаких инструментов, кроме карандаша и клочка бумаги. А гуманитарию, да с хорошей памятью, времена можно обойтись и без этих неизбежных будто бы спутников открытия.

Не был астрономом Евгений Николаев. А был он историком. Но покривил Евгений душой, пошутив, за что, как он понимал, и был справедливо наказан родною женой. Солнцем часто бывали заняты мысли историка. И не только солнцем в обличии египетского бога Ра, грозного греческого Гелиоса или не менее грозного и не менее греческого Аполлона. О влиянии солнечных происшествий на земные события все чаще думал Евгений. Уже давно расписали и связали между собой солнечные пятна и эпидемии, переселения белок, путешествия лосей, инфаркты и многое другое. Но ведь то, что влияет на природу, должно влиять и на человека. А то, что влияет на человека, должно влиять и на общество.

Есть же в истории загадки, которых нельзя объяснить ничем из того, что мы знаем о земном. Ни законами социального развития, ни особенностями географического положения...

Сасанидское серебро снова вставало перед его прищуренными глазами. Блюда и наши и с чеканными изображениями. Они были прекрасны. Второе тысячелетие ска-

кали на них кони и кричали павлины. Попытки тысяч лет назад сделаны эти чаши и блюда. Сделаны в Иране, где правили тогда потомки хреца и великого мага Сасана, внука которого стал первым царем династии.

Есть высшая похвала прекрасному — когда в его имени соединяются существительное и прилагательное воедино, и прозрачно на бумаге между ними — только видимость. Танагрекие статуэтки, вологодские кружева, сасанидское серебро. Оно сейчас в витринах музеев. Больше всего его в советских музеях. Потому что клады с этими зачарованными блюдами находятся не в Иране, где они были созданы. И даже не у буйных восточных и северо-восточных соседей Ирана, столько раз обрушившихся на него в блестящую и тревожную эпоху Сасанидов. Нет, почти все сасанидское серебро, которое только есть сейчас на земле — а его не так уж и мало — найдено в Зауралье и Западной Сибири, между приенисейскими болотами и Краильским хребтом. Почему? Ведь не знают историки ни великой державы, основанной здесь в то время, и не ведают они ничего о походах, которыми выплескивалась бы тогда западно-сибирская равнина на юг, хотя бы в Среднюю Азию. Но именно люди, обитавшие тут, зарывали в свою холодную землю блестящие вогнутые диски с вычеканенными на них всадниками и птицами.

И вот сейчас, кажется, Евгений нашупал связь, которая может это объяснить... Благодаря солнцу.

Красивая округлая рука настойчиво дергала его за полу пиджака. И откуда-то сбоку надвигался мрачный, как те уроки, что дает история, голос:

— Сколько я могу тебя звать?

Он вздохнул, выкинул из головы Сасанидов со всем их серебром и солнце со всеми его пятнами. Жена вымыла окна, а теперь надо было ввинчивать лампочки.

Ничего. Впереди — новоселье.

2

Разбудила Евгения, как каждое утро в последнюю неделю, дрель с шестого этажа. Он мог бы уже узнать ее голос сре-

ди десятков других. Да что — мог бы! Узнавал. Приходилось. А владелец ее был очень пунктуальным человеком. Ровно в 8 часов, как только переставало действовать решение о ночной тишине, он вскидывал свое музыкальное оружие и запускал его в очередную стенку, как комар запускает хоботок в человеческую руку. Только жужжал дрель во столько же раз громче, во сколько раз она была больше комариного насоса по выкачке крови. И кровь качала она не из стены, а из менее пунктуальных соседей, любящих в субботу, а то и в другие дни, поваляться в постели.

На некоторое время Евгений погрузился в размышления над тем, зачем человеку с шестого этажа столько дырок в стенах, собирается ли он разводить бабочек или вешать картины, и только минуту через пять вспомнил, что ему еще надо изложить свои догадки о судьбах сасанидского серебра в научной статье, сходить в магазин со списком, составленным Мариной, позвонить, опять-таки по ее списку, в мебельные магазины... Отправившись вчера с сыном к бабушке — на выходные — она позабочилась, чтобы у него не было времени скучать без них.

Да, а он-то хотел устроить соревнование с дрелью, доказать ей, что способен спать под ее жужжанье. Матч отменяется!

«А квартиру мы обживаем помаленьку», — с удовольствием отметил Евгений, наткнувшись взглядом на повешенные вчера занавески, сел, сунул ноги в тапки.

Звонок.

На ходу натягивая брюки, он устроился к двери.

За ними оказался высокий благообразный старик. Длинное худое лицо, еще удлиненное седенькой бородкой. И очки, почти квадратные, заставляют, наверное, лицо казаться еще длиннее.

— Простите, не найдется ли у вас, пососедки, сверла? Дрель у меня слишком хорошо для этих сверл работает. Ломаются. И ваши, наверное, сломая. Но в понедельник куплю новые. Обязательно. Так у вас нет? Жалко, Ну, хоть познакомимся, давайте... В прошлом главный бухгалтер большого комбината, ныне — статистик-любитель... Можно посмотреть, как вы устроились?

— Конечно. И чайку, чайку, давайте выпьем. Знаете, мой прадедушка был твердокаменный старообрядец, а им чай пить не полагается. Он всю жизнь между делом травки всякие искал, заваривать пробовал. Так, рассказывали, лежит он в белой рубахе под иконами, вздохнул глубоко и говорит:

— А все-таки против чаю никакой траве не устоять.

С тем и умер. Ну вот, а пока чайник закипит, мы пройдем по комнатам...

— Н-да, любите вы, вижу, живопись... Только... Может вас старик, выживший из ума, попросить об одолжении? У вас над диваном висит картина в красных и желтых тонах, а обои в комнате голубые...

— Ну?

— Так перевесьте вы ее, хоть из синих хождения ко мне, куда-нибудь от дивана к шафу, что ли...

— Да что вы!..

— Понимаете, моя статистика показывает, что такие картины при таких обоях в восьми процентах случаев падают с гвоздя в первый же месяц. А вы ведь здесь спите.

Игорь не знал, что и думать. Впрочем, скорее знал. Старик был прав, говоря о себе, что выжил из ума. Как бы его скроев отправить.

Но гость, явно желая оправдаться, начал речь о статистике. И Игорь знал, что Ильф и Петров были неправы — статистика многоного не знает. Но может узнать. В том числе и то, чего от нее никто не ждет.

Ну, а кто связал биологию на Земле с солнечными явлениями? Да, конечно же, статистика, подсунувшая гениальному Чижевскому данные и об эпидемиях разных лет и о солнечных пятнах. Кто реабилитировал древнюю примету о том, что погода зависит от фазы Луны? Все она же, статистика. У нее есть таблицы и графики, касающиеся всего на свете. Чижевский взял и положил рядом графики солнечной активности и земных медицинских и иных происшествий. А сколько еще таблиц и графиков можно налепить друг на друга... Вот он давно, лет тридцать назад, стал вести статистику падения картин со стен. С учетом материала стен, способа крепления картины, ну и цвета обоев. И, черт

его знает почему, а зависимость обнаружилась. Ну это-то он делал для смеха, но есть у него вещи и посерезнее.

В такт словам пригнали бородка и очки, но руки старика уверенно держали стакан с чаем, который он время от времени подносил к губам.

И Евгений невольно заинтересовался этой действительно сумасшедшей уверенностью в победе. Эх, самому бы Николаеву такую.

— Послушайте! — перебил он Сидорова, — я знаю, с кем вам надо познакомиться. Есть у меня друзья, они занимаются предсказанием будущего...

Евгений сделал паузу, глядя на старику. Он знал, что увидит или скептическую усмешку, или жадно раскрытые девственные любовью ко всякой тайне глаза.

А Сидоров засмеялся, и не над словами Евгения, а над ним самим.

— Вы смотрите на меня, как КИО на зрителей после очередного исчезновения очередной красавицы в трико. Думали удивить меня своим сообщением? Да, если хотите знать, вы, вы лично, занимаетесь куда более неблагодарным делом, чем эти ваши друзья. Во всяком случае, с точки зрения физики. Физики давно показали, что в нашем мире можно предсказывать будущее, но нельзя точно выяснить прошлое. Спросите-ка у астрономов, что им легче сделать: рассказать о том, какой наша галактика будет через миллиард лет или какой она была миллиард лет назад? — Сидоров фыркнул: — Так что это вы, дорогой Женя, если вы позволите вас так называть, занимаетесь совершенно бесперспективным делом, вы, а не ваши друзья.

— Да, у нас говорят, что мы уверены в своих познаниях о событии, только если знаем о нем из одного источника. А если источника хотя бы два...

— То-то. Так что я рад, если у вас есть друзья, относящиеся к законам мира серьезнее.

— Да. Им, кстати, дали лабораторию. Впрочем, вы, наверное, единственный человек, которого таким сообщением не удивишь. Мы договорились отпраздновать это событие у меня — заодно с новосельем. Считайте, что вы приглашены.

— Спасибо.

Продолжение следует.